

На поиски ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА, О КНИГЕ ВАСИЛИЯ ПЕСКОВА «ШАГИ ПО РОСЕ» И О НАУЧНОМ ТРУДЕ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА «ТЕКСТОЛОГИЯ».

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

РЫЦАРЬ ВИОЛОНЧЕЛИ

Мстислав РОСТРОПОВИЧ и Арам ХАЧАТУРЯН.
Фото Д. ЧЕРНОВА

«Я жду еще многих удивительных свершений от этого великого артиста, вдохновенного поэта, неутомимого труженика».

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

ОТЧЕГО нам слышится русская «Дубинушка», непременно напетая голосом Федора Шаляпина? Отчего так помнятся старые, несовершенные записи фортепьянных концертов Рахманинова в их авторской интерпретации?

Здесь действует простой и непреложный закон: музыка входит в сознание людей всегда в конкретном исполнении. Чем гениальнее исполнитель, тем прочнее сливается в памяти его личность с воспроизводимой музыкой.

Лучшие произведения для виолончели современных композиторов вошли в нашу жизнь и, вероятно, надолго останутся в памяти людей в трактовке Мстислава Ростроповича. Не только потому, что часто он был их первым исполнителем и что он — феноменальный виолончелист, универсальный музыкант. По художественному строю его мышления поразительно современно. Он остро, звонко и влюбленно «слышит» нашу эпоху. Его игра напоена столь характерной для советской исполнительской школы устремленной мужественной силой, сосредоточенной экспрессией, какой-то интеллектуальной неутомимостью. Он неподражаем в дерзких переходах от возвышенной патетики к безыскусственной простоте,

по «провонок» нотососцев до нас и требующие все новой расшифровки, прочтения современным, понятным всем людям языком. Он ищет гамму красок и настроений, оживляющих контакт современной аудитории с музыкой прошлых поколений.

Подлинное новаторство — лучшая из традиций. В исполнении современной и особенно советской музыки Мстислав Ростропович создает новые — свои традиции. И в этом смысле он действительно не «второй Казальс», но «первый Ростропович».

Принято считать, что стиль исполнения формируется под влиянием ведущих композиторских школ. Но важен и обратный процесс: влияние исполнителей на кристаллизацию музыкально-творческого почерка эпохи. Есть артисты-колоссы, гипнотизирующие своей личностью воображение композиторов. Своим блестящим мастерством и всеобъемлющей фантазией, взлетами артистического темперамента они притягивают новые перспективы художественного и виртуозного развития. Ростропович из их числа. Влияние его на композиторские сферы поразительно. Целая плеяда ведущих советских композиторов разных поколений пишет для него и посвящает ему свои произведения.

Создалась замкнутая цепь взаимовлияний. Начал ее Р. Глиер, посвятивший свой виолончельный концерт Славю Ростроповичу. Вскоре создал для него виолончельную сонату другой старейший мастер — Н. Мясковский. Услышав на одном из консерваторских экзаменов исполнение Ростроповичем этой сонаты, Сергей Прокофьев задумал и написал свою Симфонию-концерт для виолончели с оркестром, которая впоследствии стала одной из самых замечательных и капитальных интерпретаций виолончелиста. Запись сочинения Прокофьева в трактовке Ростроповича длительное время была предметом особого внимания Д. Шостаковича. И, наконец, в 1959 году им был создан посвященный Ростроповичу виолончельный концерт, который ныне по разным странам света победно пронес неутомимый виртуоз.

Цепочка протянулась в Европу. Концерт Шостаковича и его блестящий исполнитель потрясли крупнейшего английского композитора Бенджамина Бриттена. «Я был полностью захвачен его гением и личностью, когда услышал его исполнение в Лондоне», — писал о Ростроповиче Б. Бриттен. И вскоре появилась пятичастная соната для виолончели и

от заостренного гротеска к углубленной лирике. Он весь — стихия «вечного движения», энергичных ритмов, стремительных и страстных взлетов к кульминациям. Его трактовки полны глубокого жизненного смысла, напряженных драматических коллизий.

Есть признак, отличающий многих крупных художников современности, — стремление к искусству, монументальному по духу, по идее. Виолончель в недавнем прошлом была инструментом элегическим и камерным по преимуществу, любимым в лирико-миниатюрном жанре. В руках Ростроповича виолончель становится властительницей огромной эстрады, приобретает драматические и героические тона, вырастает в инструмент-гигант.

Ростропович за виолончелью — как оратор, как драматический актер, и звуки под его смычком приобретают удивительную публицистическую силу. Не эта ли черта — драматизация музыкального языка — делает искусство Ростроповича нужным и понятным не узкому кругу эстетов, но тысячам и тысячам людей!

Монументальность — в самой природе советского искусства. Она в природе и щедрого художника Мстислава Ростроповича. Поэтому понятна любовь артиста к произведениям многоплановым, крупным по идее и по форме. Понятно и стремление объединять концертные программы в циклы, приобретающие для слушателей особую художественную и познавательную ценность. Достаточно напомнить его баховские циклы или цикл бетховенских сонат, сыгранных со Святославом Рихтером. Великолепная запись на пластинку бетховенского цикла получила в Париже Большой приз «Филлипс» за 1963 год.

И, наконец, грандиозный цикл концертов Ростроповича в нынешнем сезоне. Три века виолончели! 36 концертов для виолончели с оркестром! Масштаб, наминающий «исторические концерты» Антона Рубинштейна.

Но вот что важно. «Арка», перекинутая от Вивальди и Боккерини до Хиндемита, Шостаковича и

фортепьяно — «пять фотоснимков многостороннего мастерства Ростроповича», как определил один из зарубежных критиков, — «благодаря ему рожденная», как написал сам автор на нотном экземпляре, пересланном советскому артисту. А совсем недавно Бриттен закончил новую симфонию для виолончели с оркестром, посвященную прославленному виолончелисту.

Едва закончил А. Хачатурян Рапсодию для виолончели с оркестром, как ее услышали в трактовке Ростроповича и в Англии, и в США. Премьеры новых виолончельных произведений или произведений, впервые исполняемых в СССР, стали обычными в концертах Ростроповича.

Композиторы и критика не поспевают за Ростроповичем. В короткий срок энергичными действиями советского виолончелиста был создан, в сущности, новый репертуар для самого из нерепертуарных сольных инструментов. Вот имена еще не упомянутых здесь композиторов, внесших свою лепту в контакт с Ростроповичем в большую литературу для виолончели: В. Шебалин и Ю. Шапорин, Д. Кабалевский, Е. Голубев и Л. Книппер, М. Вайнберг, Б. Чайковский, Ю. Левитин, А. Бабаджанян.

— Я презираю тех виолончелистов, — шутит Мстислав Леопольдович, — которые жили во времена Моцарта и не «выжали» из него ни одного произведения для виолончели. Ни одного! И тех, кто не побудил Бетховена или Брамса создать хотя бы по одному концерту для виолончели...

Что сказать еще? Что Ростропович объездил весь СССР и четыре континента, пропагандируя советскую музыку (все лучшее и новое) в виолончельной литературе. Что Ростропович — великолепный ансамблист, пианист-аккомпаниатор и темпераментный дирижер, что он любимец молодежи, выдающийся воспитатель-педагог, профессор Московской и Ленинградской консерваторий. Наконец, что нет предела его организаторским идеям, энергично осуществляемым им в музыкальной жизни, — будь то фестиваль современной музыки, проведенный впервые в Горьком, или совсем новая идея создания в Москве и Ленинграде «клубов виолончелистов»... Аспекты бесконечны, как неисчерпаем и энтузиазм этого талантливого человека.

Бесспорно, Мстислав Ростропович заслуживает самой высокой оценки и самого высокого поощрения не только как выдающийся артист, один из ведущих музыкантов современности, но как советский музыкальный деятель нового типа.

Бриттена, отражает глубоко современную тенденцию к сближению музыкальных стилей XVIII и XX веков. Темпераментный, неподражаемый исполнитель современной музыки, Ростропович предстает как исключительно тонкий и интересный мастер воспроизведения старинных музыкальных фресок. Что же происходит? Не реставрируются, но оживают формы классиков. Бах, Гайдна и Боккерини, воссозданные виолончелью Ростроповича, становятся чем-то ближе нам, чем его же Шуман, Брамс и поздние романтики. Думается, что таков закон эволюции музыкальных вкусов современности. Такова и диалектика творчества виолончелиста. Слух человека наших дней не может с прежней силой плениться широким и обильным разливом эмоций, декоративными излишествами музыкального романтизма. Происходит, как говорит Ростропович, «компенсация желаний», когда взрывчатый и экспрессивный драматизм современного музыкального мышления находит некое созвучие и равновесие в строгом, симметричном, светлом, умном музыкальном лаконизме предромантических эпох. Эта глубокая страсть и ясный интеллект — две стороны таланта Ростроповича.

В свое время Прокофьев как исполнитель-новатор дерзко отринул цветущую выпренность старого романтизма, насытив свою игру здоровой мужественной силой.

Ряд мастеров советской исполнительской школы продолжал линию Прокофьева. Ростропович — ее ярчайший представитель.

Когда слышишь в его исполнении «Вариации на тему рококо» Чайковского, не чувствуешь себя «баловнем» мелодических изгибов, не погружаешься эстетски в роскошные и респектабельные тона виолончельного контральто. Все в этом исполнении не традиционно: пастельные и ненавязчивые краски, сосредоточенное пиано взамен разлива лирики, простота и легкость стили. По-видимому, Ростроповича влечет в Чайковском то, что самого Чайковского тянуло к Моцарту и к милому в своей наивной условности XVIII веку. Как не вспомнить этой склонности к «музыкальным парикам» и у Прокофьева, создавшего свою «Классическую симфонию»?

Итак, Чайковский вне привычной традиции исполнения. Иные видят в этом недостаток Ростроповича. Но здесь другое. Обновление традиций. Исполнитель-новатор, Ростропович видит в нотах, выражаясь его словами, «телеграфные знаки», дошед-